Анна Евгеніевна. Плотники? Какой плотникъ?

Бѣлой. Всякій.

Анна Евгеніевна. Ну, пилить, строгать...

Бѣлой. Онъ герой, если онъ хорошо строгаетъ и пилитъ?

Анна Евгеніевна. Почему же нѣтъ? И плотникъ можетъ быть героемъ.

Бѣлой. Да сохрани его Богъ! Если онъ герой, онъ непремѣнно скверный плотникъ. Всѣ плотники исторіи имѣютъ желтые—хотя это герой! Они сдѣлали то, что никакому мнѣу не снилось. А долгъ отдѣльнаго плотника—хорошо строить и не геройствовать. И не вообще строить, а вотъ выстроить одинъ срубъ, свой, и хорошо выстроить, второй лучше, третій еще лучше и т. д... И чѣмъ онъ лучше строитъ, тѣмъ людямъ теплѣе. И строить онъ долженъ несмотря ни на холодъ, ни на дождь. Стой и строй. И настроишь сколько онъ отпущено, перекрестись и умри не героемъ, а хорошимъ плотникомъ. *Вотъ мой идеалъ почти недостижимый.*

Анна Евгеніевна. Бѣлой, это прекрасно, но вы его узко. Я васъ понимаю, но вы принимаете задачи человѣка.

Бѣлой. Нисколько, увѣряю васъ. Для любаго философа, судьи, художника, врача, генерала, писателя, кого хотите—его дѣло—тотъ же срубъ, который онъ долженъ срубить.

Анна Евгеніевна. И все остальное чужо?

Бѣлой. Что все?

Анна Евгеніевна. Всѣ тѣ вопросы, которые волнуютъ міръ, которые заставляютъ забывать свое дѣло и кидаться...

Бѣлой. Куда кидаться? Не надо кидаться. Надо идти. Эхъ, еслибы поменьше было отвлеченныхъ скорбей, неопредѣленныхъ мечтаній, безцѣльныхъ порывовъ и, главное, этого всеоправдывающаго неврозъ у нашихъ лучшихъ людей. Кто хочетъ сдѣлать слишкомъ много, тотъ не сдѣлаетъ ничего. Но кто, какъ клещъ, вопьется въ свое дѣло, кто свяжетъ съ нимъ въ одно цѣлое свою жизнь, всѣ ея силы и цѣли, и радости и печали, кто съ нимъ сольется всѣмъ своимъ существомъ, тотъ все можетъ, все одолѣетъ... Я вѣрю только въ работника.

Анна Евгеніевна. А въ геній, Бѣлой?

Бѣлой. Геніи вырастаютъ изъ нашихъ костей. Но геніевъ мало, меньше, чѣмъ считаютъ, и стать геніемъ зависитъ не отъ насъ, да и всѣ геніи отличные работники, и работники прежде всего, а мы—мы апостолы геніевъ бывшихъ до насъ и предтечи будущихъ. Съ насъ этого довольно...

Анна Евгеніевна. Это самоуниженіе! Личность впереди всего.

Бѣлой. Вотъ, вотъ и я это говорю.

Анна Евгеніевна. Нѣтъ, вы этого не говорите.

Бѣлой. Какъ не говорю! Да я только и говорю: *разрабатывай свою личность въ своемъ дѣлѣ.*

Анна Евгеніевна. И вотъ вамъ гибель вашей теоріи...

Бѣлой. Ого!

Анна Евгеніевна. Создать крупное способенъ только индивидуальный талантъ, не способный замуровать себя въ устричную скорлупу спеціальности.

Бѣлой. Устрицы полезнѣе орловъ.

Анна Евгеніевна. Ну, этого я ничего не ожидала.

Бѣлой. Какъ не ожидали? Мои совидаютъ. Почтеннѣйшее животное и вкусное.

Анна Евгеніевна. Неужели же наступаетъ вѣкъ устрицъ.

Бѣлой. Вѣкъ помѣси, дорогая фантаверна, помѣси устрицъ съ орловъ...

Такова доминирующая мысль піесы. Это—пѣснь *торжествующему труду*, труду разумному и цѣлесообразному, который является отвлеченъ геніальности въ прошломъ и предвѣстникомъ геніальности въ будущемъ.

Среди современныхъ „гимновъ торжествующей любви", до смерти всѣмъ надоѣвшихъ, потому что они сплошь и рядомъ переходятъ въ мотивы весьма сомнительной высоты и чистоты, эта пѣснь тожествующему труду" звучитъ одиноко. Но тѣмъ выше возносить она, тѣмъ глубже проникаетъ и тѣмъ дѣлаетъ чище!

Кто слѣдилъ за прежними работами автора, тотъ не можетъ не вмѣстить, что эта вышесна труда есть отвѣтъ именно на тѣ вопросы, которые томили и мучили его мысль досель. Мы живемъ среди двухъ враждебныхъ культовъ: культа *сверхчеловѣка* и культа *демократизаціи знаній*. Какой выше и, если она одинаково ложны, гдѣ выходъ? Для того, кто хочетъ не отставать отъ современныхъ умственныхъ движеній, вопросъ объ „уровнѣ вѣка" ставится именно такъ. Такъ онъ поставленъ и авторомъ, и его теорія труда, только что нами изложенная его собственными словами, есть именно указаніе на выходъ. Конечно, его проектъ „союза устрицы съ орломъ", для непривычнаго слуха, звучитъ довольно странно. Но странность здѣсь лишь въ формѣ выраженія, а не въ существѣ дѣла.

Піеса хорошо *иллюстрируетъ* эту „странность", воплощаетъ идеи и образы въ конкретныя формы. И вотъ мы видимъ, что ничего странного въ идеѣ сочетанія орла съ устрицей собственно нѣтъ,—хотя это вопросъ будущаго, отдаленнаго будущаго, такъ какъ, для реализаціи подобныхъ замысловъ (конечно, мы беремъ мысль лишь въ предѣлахъ символа), нужны промежуточныя звенья и очень большія.

Она, хирургъ Бѣлой (*г. Южина*)—орелъ. *Она*, вдова Ирина Бойцова (*жена Ермолова*)—устрица.

Онъ любитъ, прежде всего, дѣло,—дѣло своей жизни, а ее лишь постольку, поскольку она предоставляетъ ему, своими милліонами, возможность осуществить это дѣло его жизни и поскольку не противорѣчитъ ему, не стоитъ на дорогѣ къ его дѣлу. Напротивъ, она любитъ прежде всего *его*, а потомъ уже и *его* дѣло и именно постольку, поскольку любитъ *его*.

Выходъ отсюда, конечно, простой и прямой: сочетаніе таланта и труда съ милліонами, въ цѣляхъ служенія страждущему человѣку.

Но, въ сожалѣнію, такому исходу жизнь поставила преграду,—какъ въ одной изъ старыхъ сказокъ: поѣдешь направо—себя потеряешь, налѣво—потеряешь коня. Выйдетъ Ирина замужъ, пропадутъ капиталы (это въ завѣщаніи обусловлено). Хочетъ она быть распорядительницей капиталъ, употребить его на доброе дѣло сооруженія хирургической лѣчебницы,—скажи пропадай своему личному счастью съ Бѣлымъ.

Есть, [illegible] и одинъ выходъ: [illegible] и другое,—личное [illegible] общему благу,—[illegible] тіи, уже послѣ [illegible] тебя, да и соѣ[illegible]ся! Вотъ что именно [illegible] ду, когда вы[illegible] ющіеся піеса [illegible] сопѣшъ [illegible] ргеціи и пріиметъ [illegible]

Гдѣ и [illegible]?

Выхо[illegible] ке идей труда, ны при[illegible] ущенію идеалъ, [illegible] ющему пока бремен[illegible] вѣчности. Сочетаніе [illegible] ра мы пока еще не возм[illegible], реальное сочетаніе, [illegible] ющенъ. Но уже и теоре[illegible] стояніе духовное, идеально [illegible] ное служеніемъ одной [illegible]

Такова [illegible] піесы. Все въ ней, [illegible] держится на идеѣ тр[illegible], пѣлесообразнаго, по[illegible] труда *за общество*... [illegible] ей совѣсти, [illegible] нѣтъ, И[illegible] равно"—не все равно, [illegible] милліоны оставленные [illegible] мужемъ: на общу[illegible] ю, [illegible] въ руки нуждающихся [illegible] ей безразличныхъ. [illegible] ное и сильное слово [illegible] ка съ орлиными [illegible], которое убѣждаетъ, на[illegible] ю пожертвовать свои[illegible] ради [illegible] Ирины уже какъ убѣжденъ [illegible]

Это, [illegible] сколько сурово и ри[illegible]. Это, но всякомъ случаѣ, [illegible]": теперь *такъ* смотрятъ [illegible] жизнь равнѣ только „сверхчеловѣки"—та уже ушла [illegible] отъ этого „рутиннаго идеа[illegible]". Но то именно и хорошо, что [illegible] „современно". Ибо здѣсь им[illegible] отражается та высота, которая [illegible] силось дешевымъ современ[illegible] „сверхчеловѣкамъ".

Однако [illegible] этой высоты доносились [illegible] житейской грязи, которыя [illegible] и вызывательно ли[illegible] ноги людей, стоящихъ на высотѣ [illegible] піеса. Сумбатова есть [illegible] и яркая иллюстрація этого суроваго закона жизни, этой жадной и личной погони пошлости за высотою [illegible] на ней стоящими.

Здѣсь м[illegible] ярлыкъ, тонкихъ характеристикъ, выразительной рисовки различныхъ типовъ современныхъ „сверхчеловѣковъ" или—точнѣе—*низкочеловѣковъ*, начиная отъ дѣльца Истонова, какой-то прожорливой акулы (*г. Денскій*) и до невразстеника-декадента, атависта былыхъ спокоя о мѣстничествѣ, Фантима Владиміровича Мамасова (*г. Правдинъ*).

И все это волнуется и суетится у ногъ людей, стоящихъ на высотѣ, кипитъ злобною ненавистью и злостью, интригуетъ и хочетъ урвать на житейскомъ базарѣ свой кусокъ. Со своей стороны, гжи Мамасова, мать Фантима (*жена Садовская*), и Нина Константиновна Мельпина (*жена Лешковская*) это—какая-то какъ бы приправа къ житейской сутолкѣ, охваченной тралеою высоты, — приправа, безъ которой жизнь не имѣла бы своей пикантности и остроты.

Въ общемъ, одно въ піесѣ исполнено хорошо и возвышенно, хотя и трудно стоять на высотѣ, среди окружающей пошлости. Это именно авторъ выразилъ и сполна выиграфомъ изъ *Освобожденнаго Іерусалима*,—епиграфомъ, на какъ взглядъ, выбраннымъ чрезвычайно удачно:

Nuktoo, o ноѣдь, не можетъ появляться,
Что въ мѣсѣ найдетъ сквозь тысячи преградъ.
Въ тройную сталь тотъ долженъ облачиться
И всякихъ чувствъ тотъ долженъ быть лишенъ,
Кто выслушать безъ трепета захочетъ,
Какой тамъ свистъ, какой тамъ громъ грохочетъ...

Никто не можетъ позволиться...

Но стой на высотѣ, ибо *въ этомъ весь смыслъ твоей жизни*...

Объ исполненіи піесы князя Сумбатова нужно говорить или очень много или уже совсѣмъ не говорить ничего. Такъ какъ, къ сожалѣнію, мы не можемъ на этотъ разъ говорить много (можетъ-быть, какъ удастся посмотрѣть піесу еще разъ и тогда мы возвратимся къ ней), то предпочитаемъ пока не говорить ничего. Всего менѣе были бы уместны здѣсь, конечно, какія-либо замѣчанія *общаго* характера.

Въ заключеніе, два-три слова о почтенномъ бенефиціантѣ, г. *Рыбаковѣ*.

У артистовъ бываютъ ранняя болѣзни: объ однѣхъ говорить, о другихъ молчать, третьи искусственно муссируютъ при помощи ихъ... Но надъ всѣми этими доблестями, у настоящихъ артистовъ, артистовъ въ душѣ, возвышается одна, изобличающая высшее благородство, — та доблесть, о которой ничего не говорятъ и предъ которою склоняются въ безмолвіи... Онъ доказалъ ее въ день своего бенефиса, этотъ здоровый, но въ высшей степени скромный артистъ, взявъ въ піесѣ ультра - скромную роль Оборышева и исполнивъ ее безъ ложной аффектаціи, безъ рисовки и шаржа.

III.

Въ минувшую пятницу я былъ въ театрѣ Корша, на праздникѣ-бенефисѣ г. *Петровскаго* и искренно радовался успѣху этого выдающагося артиста. На лентѣ, прикрѣпленной въ бенефисному подношенію, если не опибаюсь, стоитъ надпись *„артисту-художнику"*. Нахожу эту лестную надпись вполнѣ заслуженною. Это дѣйствительно *художникъ*. Я уже не разъ отмѣчалъ игру г. Петровскаго (въ роли старика - отца въ *Наемникахъ*, подношенномъ лгуна изъ восточныхъ чеботиковъ въ *Потемкахъ Души* и особенно подчѣчаго въ *Генеральшѣ Матрешѣ*). Теперь съ не меньшимъ сочувствіемъ долженъ отмѣтить его исполненіе роли Тартюфа.

Это очень трудная роль. Вѣчный типъ хвѣжи и лицемѣра въ Тартюфѣ стоитъ въ довольно условную форму, которая носитъ на себѣ слишкомъ прямую печать мѣста и времени. И вотъ возникаетъ трудная задача: сопвѣтствть въ передачѣ этаго времени. Г. Петровскій съ несомнѣннымъ успѣхомъ вышелъ изъ этой трудности. Въ согласіи съ лучшими традиціями этой, нерѣшенной длинную исторію, роли и въ то же время съ достаточнымъ проявленіемъ своей собственной индивидуальности, онъ далъ очень яркій типъ. Нѣкоторые оттѣнки закуманы особенно тонко (напримѣръ, артистъ очень хорошо разсчиталъ, что *можно* смиреніе должно быть выражено не простымъ колѣнопреклоненіемъ, но именно „поверженіемъ во прахъ",—Тартюфъ-Петровскій лежитъ передъ сыномъ Оргонта, Даминомъ, что называется, въ „растяжку").

Наша публика склонна иногда переносить на артистовъ свои симпатіи и антипатіи къ тѣмъ ролямъ, которыя они съ большимъ случаѣ исполняютъ. Этимъ, вѣроятно, объясняется и то, что публика аплодировала прошлогоднему артисту гораздо меньше, чѣмъ слѣдуетъ. Но истинные цѣнители искусства, конечно, отдадутъ ему должное.

Успѣхъ г. Петровскаго дѣлила *жена Васильева* (Дорина, служанка Маріины). Ей много аплодировали. Признаюсь ея игру несомнѣнно заслуживающею одобренія, со своей стороны, позволю указать въ ней на одинъ недостатокъ: талантливая артистка ведетъ свою роль, съ начала и до конца, *въ одномъ тонѣ*, — игриво-шаловливомъ. Однако, въ комедіи есть моменты, когда этотъ игриво-шаловливый тонъ становится уже неумѣстнымъ и, какъ не гармонирующій съ общимъ движеніемъ дѣйствія, начинаетъ рѣзать ухо: это—когда надъ домомъ Оргонта сгустились мрачныя тучи и ему стала грозить бѣда. Артистка не отмѣтила въ своей игрѣ этихъ моментовъ и тѣмъ ея значительной игрѣ ослабила общее впечатлѣніе выработки и граціозности, какое производитъ въ началѣ.

Хорошъ, какъ всегда, былъ г. *Сетнлосъ* въ роли Оргонта.

Послѣ Тартюфа шла трехъактная комедія Блюменталя *Послѣдняя Шалость*. Если выборъ комедіи принадлежитъ г. Петровскому, то онъ показываетъ въ немъ, и въ этомъ отношеніи, хорошій вкусъ. Несмотря на избитость темы и неглубокій характеръ всего вообще замысла комедіи, въ ней есть то, что называютъ „подъемомъ настроенія". Рѣчи его въ защиту искусства, съ силою произнесенные бенефиціантомъ (въ роли старика-маэстро), производили хорошее впечатлѣніе, возвышающее и бодрящее. Артисту-художнику онѣ были очень къ лицу. Въ этой роли артистъ показалъ свой талантъ опять съ новой стороны. Какъ и въ роли Тартюфа, и здѣсь обращалъ на себя вниманіе уже и самый гримъ, очень хорошо соображенный съ ролью.

Кромѣ бенефиціанта въ комедіи выдѣлился г. *Булатовъ* своимъ обдуманнымъ и тонко выработаннымъ исполненіемъ, по существу довольно неблагодарной, впрочемъ, роли адвоката Опитца.

EXTER.